

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 304

ПРЕДЕЛЫ ВЛАСТИ

Специалистами гуманитарных и общественных наук обсуждался круг вопросов, касающихся власти и ее осмысления: ее природы, институтов, условий осуществления и эффективности. Рассматривались особенности формирования властных механизмов и проявления власти в экономике и политике, социальной и духовной сферах жизни.

В обсуждении участвовали: О.А. Донских, Г.П. Литвинцева, В.В. Глинский, И.А. Вальдман, С.П. Исаков, И.В. Князева, Н.И. Макарова, К.М. Курленя, В.В. Крюков, Л.А. Осьмук, Н.Л. Чубыкина.

Комментарии прислали: Г.А. Антипов, Ю.П. Ивонин, С.А. Красильников, В.И. Марков.

Ключевые слова: власть, источник власти, экономическая власть, политическая власть, власть идей, духовная власть, пределы власти, институционализм, рейтинг.

12 октября в Государственной Областной научной библиотеке (Новосибирск) прошел круглый стол журнала «Идеи и идеалы» на тему: «Пределы власти».

Обсуждали вопросы:

1. Какова область действия приказов в разных сферах общественной жизни – в экономике, политике, социальной сфере, культуре и др.? В какой из них легче получить отказ в повиновении?
2. Можно ли переносить схемы подчинения из одной сферы в другую?
3. Есть ли смысл в выражениях «власть идеи», «власть красоты», «власть любви», «власть науки и техники», «власть права». Или власть только там, где есть **приказ** и **повиновение**?
4. Природа и источник власти (в разных сферах общественной жизни)

Участвовали члены редакционной коллегии и редсовета журнала: **Олег Альбертович Донских**, д-р философских наук, профессор; **Владимир Васильевич Глинский**, д-р экономических наук, профессор; **Сергей Петрович Исаков**; **Виктор Васильевич Крюков**, д-р философских наук, профессор; **Константин Михайлович Курленя** д-р искусствоведения, профессор, ректор Новосибирской государственной консерватории; **Галина Павловна Литвинцева**, д-р экономических наук, профессор; **Нина Ильинична Макарова**, канд. культурологии, доцент; **Людмила Алексеевна Осьмук**, д-р социологических наук, профессор; **Наталья Леонидовна Чубыкина**, а также приглашенные гости: **Игорь Александрович Вальдман**, канд. философских наук, доцент кафедры социально-массовых коммуникаций НГТУ; **Ирина Владимировна Князева**, д-р экономических наук, профессор кафедры государственного регулирования экономики Сибирской академии государственной службы, проректор по научной работе.

Ответы на вопросы круглого стола прислали: **Георгий Александрович Антипов**, д-р философских наук, профессор; **Юрий Перфильевич Ивонин**, д-р философских наук, профессор; **Сергей Александрович Красильников**, д-р исторических наук, профессор – члены редколлегии и редсовета «Идеи и идеалы»; а также **Виктор Иванович Марков**, д-р культурологии, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Олег Альбертович Донских. Я объясню мотивы, которые подвинули меня на формулировку этой темы. Тема, конечно, необъятная и ядовитая. Я бы так объяснил, почему эти вопросы меня заинтересовали: понятно, что мы, с одной стороны, переживаем какой-то странный период кризиса власти. С одной стороны, власть у нас есть и она достаточно жесткая, с другой стороны, мы понимаем, что не совсем все это правильно, как оно есть. С разных сторон существуют какие-то знаки: эта власть используется, как это делает наше Министерство образования, просто для растаптывания всех. Особенно любопытно, что есть так называемая автономия университетов, но это утверждение может вызвать только гомерический хохот, причем это касается и федеральных, и каких угодно университетов и других институций, связанных с этим. Здесь какие угодно проблемы могут быть. И при этом мы говорим, что у нас то власть рынка, то еще какая-то.

С другой стороны, понятно, что власть – вещь загадочная, есть разные аспекты. Есть, допустим, психологические: почему один человек подчиняется другому? Это наиболее яркий случай, это харизматическая власть, феномен, очень малообъяснимый. Государство распадается на разные сферы, где власть по-разному используется и она разная в действительности. И она распространяется на разные социальные группы. Реально власть появляется там, где есть подчинение. Есть приказ, есть подчине-

ние – это самое простое выражение власти. И вопрос, как далеко эта волна идет, где она заканчивается. Это и определяет эту социальную группу. И вот эти вещи хотелось бы обсудить касательно разных сфер.

И первый вопрос мне хотелось бы таким образом поставить. Я возьму рассуждение П.Г. Олдака. Вот он приводил пример по поводу власти министра. Это было еще в советское время, речь шла вот о чем. Если мы берем бюджет министерства, который составляет, скажем, 500 млн, вопрос: какова его реальная мера власти? Оказывается, из этих 500 млн какая-то часть идет на зарплаты; потом проекты, которые должны финансироваться, и деньги туда уже расписаны. Кончается это тем, что этот министр из 500 млн реально обладает 15 млн, которые в его власти распределить. Получается, что его власть 3 %, потому что 15 млн – это 3 %, реальная мера его власти, те деньги, которые он может свободно куда-то направить. Вот можем мы считать, что в экономике это как-то по-другому работает? Или это только так и ничего другого в принципе нет? Можем мы так жестко измерять власть или есть еще что-то? Галина Павловна, у меня вопрос к Вам.

Галина Павловна Литвинцева. Действительно, в смысле измерения можно говорить с экономической точки зрения, но я бы хотела начать издалека. Если мы вспомним неоклассическую экономическую теорию, то в этой теории не было места власти, за исключением рыночной, в первую

очередь монопольной власти. В неоинституционализме, направлении, основанном на предпосылках неоклассики, такие отношения, как, например, взаимоотношения раба и рабовладельца, трактуются как некий добровольный контракт, когда раб должен был работать, воевать, выступать на турнирах за своего хозяина, а рабовладелец должен был его кормить и одевать. Понятно, что такая ситуация не удовлетворяла экономистов, и когда началось развитие институционального направления, на рубеже XIX–XX вв., Т. Веблен, отчасти Дж. Коммонс и другие ученые начали обращаться к проблемам власти не только в экономической сфере, но также в других сферах, потому что они исследовали все институциональные условия того периода. Неоклассика рассматривала только рыночную власть, которую можно измерить на основе коэффициентов концентрации, на основе коэффициентов монопольной власти. То есть измерялась фактически власть монополий, власть олигопольного рынка и даже власть в условиях монополистической конкуренции. Таких коэффициентов можно насчитать больше десяти. Несколько из них публикуется в российских статистических ежегодниках. Рыночная власть может формироваться не только за счет того, что монополии устанавливают цены, но и за счет препятствия доступа к ресурсам, в том числе к информации, к инвестициям, за счет неравных условий торговли и т. п. Это существенно влияет на результаты деятельности в современном мире, потому что модель идеального рынка совершенной конкуренции не существовала, не присутствовала ни в одной стране. В начале реформ говорилось о том, что давайте реализуем модель совершенной конкуренции в России. Это была такая очевидная, ну скажем, недалёно-

видность, если не больше. Разрушение институтов высокотехнологического комплекса, превращение многих профессионально обученных работников в мелких лавочников и насаждение институтов других, низких технологических укладов – это и есть деградация, которая произошла во многих сферах экономики России.

Посмотрим более широко, что же изучают экономисты относительно экономической власти. Традиционные институционалисты изучают, собственно, все: от видов власти до мотивации и оценок. Например, виды власти – от жестокой силы до мягких форм, таких как влияние и убеждение. Отсюда основ власти множество. Харизма – это одна основа, законы – другая. Основой власти может быть богатство, статус, знание, владение информацией. Всем известно высказывание: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Права собственности, безусловно, являются важной основой власти. Изучаются цели власти. Они могут быть экономические и политические, частные и общественные. Кроме того, изучаются мотивы власти, важность и оценки власти. Если оценки власти можно дать относительно рыночных структур, относительно монопольной, олигопольной власти, то оценки власти в других концепциях дать очень сложно. Например, возьмем власть над социальным выбором. Если мы отвергаем модель рационального выбора неоклассического направления, то индивид, который принимает решения, изменяем. Соответственно, изменяемы цели, средства достижения цели и выбор, который он осуществляет не только в экономике, но и вообще в социуме. Здесь могут быть два основных вида власти. Первый вид власти называется одномерной властью. Она возникает на основе контроля над политиче-

скими ресурсами, целью является получение нужного результата вопреки оппозиции. Существует другая, двумерная власть, когда решения, опять-таки благодаря монополии на разные ресурсы, просто не ставятся в повестку дня. Если же отсутствует обсуждаемая проблема, то ее, значит, не существует в реальном мире. Это более сильная власть, которая может появляться в разных сферах деятельности. Оценить двумерную власть очень сложно.

Другая теоретическая концепция – это власть над человеческими ценностями. Опять обратимся к экономической теории. Неоклассическая экономика рассматривает человека как функцию полезности, индивиды не поддаются влиянию социальных взаимодействий. Если же индивид, принимающий решения, изменяем, то можно влиять не только на его поведение и социальный выбор, можно влиять на те ценности, те предпочтения, которых придерживается индивид или группа индивидов. Власть нужна не только для того, чтобы воздействовать на поведение людей, но и определять, что они из себя представляют. В моногосударствах осуществлять контроль над ценностями, над выбором значительно легче. В разноплановых государствах, где множество социальных групп, где есть группы специальных интересов, группы лоббирования и т. д., осуществлять власть над социальным выбором и социальными ценностями сложнее. Нужно придумывать такие вещи, как, например, национальная идея, которой были бы все привержены.

Не могу не сказать об ответственности образования в сфере формирования и реализации власти над социальными ценностями. Если бы в сфере высшего образования мы постоянно говорили (при прочих рав-

ных условиях), что формируем рыночного человека, что все продается и покупается, то получились бы индивиды с совершенно определенными ценностями. Реально же в рамках изучения экономической теории, общей экономики, других мировоззренческих дисциплин преподаватели пытаются как раз показать, что вы, студенты, в перспективе будете принимать решения в разных сферах деятельности и должны представлять, из какого множества альтернатив вы принимаете решение и будете нести за него ответственность. Особо хочется остановиться на корпоративной власти. Власть корпораций, объемы реализации продукции и услуг которых зачастую превышают бюджеты государств, конечно, это не пустые слова. Такие корпорации под эгидой правительств продолжают осуществлять экономическую власть во всем мире, навязывать свою политику не только в рамках вашингтонского консенсуса, международных программ помощи и т. п.

Донских. Большое спасибо. Я бы хотел поднять еще один вопрос в связи с тем, что говорила Галина Павловна.

Владимир Васильевич Глинский. Пусть все-таки она технарям расскажет. Был задан конкретный вопрос: вот министр плановой экономики, 500 млн весь бюджет, свободных 15 млн. Все-таки его уровень власти 15 или 500 млн определяют?

Донских. Насколько я понимаю, ответ все-таки был: есть и эта власть и есть еще много других.

Сергей Петрович Исаков. Бывают и другие ситуации, когда есть 500 млн, а надо 800. То есть вроде бы 300, а тем не менее власть есть.

Донских. Хорошо, я думаю, мы к этому вопросу еще подойдем. А у меня вот какой вопрос. Тут есть явная проблема со-

отношения политической и экономической власти. Потому что если мы считаем, что власть определяется экономикой – это одна ситуация. Но получилось, что она экономикой не определяется. Так я понимаю?

Литвинцева. В России сложное переплетение различных интересов, однозначно не скажешь.

Игорь Александрович Вальдман. Может быть, другой экономикой? Экономикой, понятой не в декларированных суммах, а экономикой ресурсов, в теневом и не-теневом виде сосуществующих.

Литвинцева. Экономическая власть у нас переплелась с политической. Возникшие финансово-промышленные группы функционируют не в пустом пространстве. Они тесно взаимодействуют с политическими структурами.

Глинский. А где не срослась?

Людмила Алексеевна Осьюк. Там уехали в Лондон.

Донских. Нет, ну почему? Так или иначе, они везде связаны. Нельзя сказать, что где-то существует автономно политическая власть и экономическая. У меня был другой вопрос. Постараюсь отстаивать абсолютно примитивную концепцию, что на самом деле источник власти, которая осуществляется в России, находится за ее пределами. То есть центр власти уходит туда. Иначе говоря, все то, что осуществляется здесь, решается не здесь. Соответственно, это касается политической власти, экономической и всего остального. Можно так сказать? Поскольку ресурсы нужны там, – ну это же ресурсная экономика, правильно? Значит, она для той экономики, которая на этих ресурсах строится. Политическая: нужно заставить эту страну жить так, чтобы она занималась только ресурсами.

Наталья Леонидовна Чубыкина. Помоему, нельзя так однозначно говорить.

Донских. Сказать-то можно, я задаю вопрос. Дело в том, что я просто привожу аргументы.

Глинский. Я вообще считаю, что это мировой заговор.

Донских. А причем тут мировой заговор?

Глинский. В том смысле, что можно отдельно считать по каждой стране, насколько ее политическая власть самостоятельна. Я считаю, что, кстати, если сравнивать Россию и США, то еще неизвестно, где политическая власть более самостоятельна. То есть, о чем Галина Павловна говорила, настолько сейчас мощна ресурсно-финансовая власть, что вот как раз в Америке-то она больше оказывает влияние на выборы и все прочее, чем в России. И назвать в политическом смысле самостоятельные страны вообще затруднительно. Может быть, только Китай.

Игорь Александрович Вальдман. Проблема суверенитета. Я полагаю, что обсуждение у нас сегодня идет пока не о всякой власти, а речь идет суверенной власти, о суверенитете. Суверенитет – это высокая, максимально высокая мера самостоятельности, суверенности, различной по субъекту и сфере деятельности. Говорить о суверенной власти принято применительно к уровню отдельных государств. В этом аспекте номинальное количество государств никогда не совпадало с тем, что признавались бы полноценно суверенными. Обычно суверенными в собственном смысле слова были так называемые «великие державы» в ту или иную эпоху. При этом можно говорить и о власти и ее проявлениях в локальном формате. Тогда, скорее всего, речь пойдет о власти распределенной, об «эманациях вла-

сти». Суверенна не всякая власть. До какой степени от властей в той или иной стране действительно зависит то, что в этой самой стране происходит? Во многих государствах происходящее в них не зависит или зависит в не самой большой степени от их официальных правительств. Можно ли говорить, что у этих правительств вообще нет власти? Представляется, что здесь вопрос о мере и степени обладания властью, реализации власти в том или ином отношении. Нет власти вообще, власти абсолютной. Это так же, как и в случае с феноменом свободы. Я бы не стал говорить о существовании абсолютной свободы – в реальности есть лишь те или иные степени свободы. Всякая власть тематизирована и локализована в той или иной сфере. И в этом отношении, думается, Олег Альбертович поставил вопрос для обсуждения в несколько более общем виде. Поэтому, может быть, для конструктивного продолжения дискуссии стоит его или разложить на части либо подумать о какой-то другой формулировке.

Донских. Хорошо, я могу пояснить. Есть, допустим, сейчас в Италии правительство Марио Монти. Он – премьер, назначенный Евросоюзом для управления Италией. Так? Это не итальянцы его выбрали, ведь основная идея его правительства: он работает не на Италию, он работает на то, чтобы Италия осталась в Евросоюзе. Коль Евросоюз перехлестнул свои разумные границы естественные, теперь его нужно удерживать искусственно. В принципе политическая позиция понятна, они уже не выдерживают, потому что там объединились те страны, экономика которых различна. И нужно часть стран заставить жить не так, как они живут. Романские страны плюс Греция, скажем так.

Вальдман. Внутренние колонии.

Донских. Я хочу дальше продолжить Вашу идею и то, что Владимир Васильевич сказал, – я не знаю насчет заговора, в заговоры такого масштаба я в принципе не верю. Получается, что Европа не является независимой, потому что есть НАТО, есть Соединенные Штаты; Соединенные Штаты не являются полностью независимыми, потому что там еще что-то есть. То есть получается, что есть какой-то виртуальный, где-то существующий, как-то складывающийся источник власти... Потому что я тоже не уверен, что Китай абсолютно суверенен.

Вальдман. Может быть, в этих и других примерах мы видим не управление из одного источника власти, а некую многофакторную результирующую или систему взаимозависимости. Настойчивые попытки найти какой-то один источник власти применительно к миру напоминают гипостазирование и онтологизацию идей у Платона.

Осьмук. Это было бы так, если бы не было каких-то структур. Есть социальные институты, есть организации, и в каждой структуре, конечно, складывается ... Мне кажется, что все это воспринимается как некая виртуальная власть, которая вот непонятная, с которой можно бороться или нельзя бороться; можно что-то делать или нельзя что-то делать... Эта власть в конце концов – вот мы говорим, что каждая власть предельна, но вообще она воспринимается как беспредельная. Все встают в тупик перед ней. Но тем не менее есть социальные институты, есть сферы, вот вы же их распределили: есть экономическая, политическая, социальная, культурная власть. В рамках этих сфер есть институты. В рамках этих институтов существуют нормы. То есть организация человеческого общества

такова, что властные сферы делятся, поэтому здесь все-таки что-то можно понять.

Донских. Можно, я бы все-таки возразил на это и очень просто. Есть вроде бы какая-то экономическая власть, я догадываюсь, что есть компании типа «Дженерал Электрик», «Шелл», еще какие-то там ТНК, но появляется какое-нибудь агентство «Мудис», которое повышает или понижает рейтинги. Я не знаю, правильно они это считают или нет, но как только они это делают, на это реагируют биржи и это тут же становится реальностью. Они к экономике имеют отношение достаточно косвенное, на самом деле. Они же считают, глядя со стороны. Возникает вопрос: так это что за структура? Экономическая власть тогда у кого? У этого агентства «Мудис» или у президента АМП, или еще у каких-нибудь крупнейших ТНК?

Ирина Владимировна Князева. Да, конечно, потому что агентство обладает определенной монополией на информацию, а информация – очень ценный и дорогой ресурс. Благодаря манипулированию информацией можно все делать. Я все-таки тоже по рейтингам хочу пройти. Те агентства, которые являются общепризнанными и мировыми, в том числе возьмем наш «Эксперт», они разрабатывали на очень мощной согласованной основе. Это не их личные разработки, это десятками лет разрабатываемые, согласованные тенденции анализа и учета. Поэтому, во-первых, все крупные рейтинговые агентства конечно сформировались согласованным мнением. Второй момент, о котором мы не должны забывать, это классические экономические показатели. Самый большой вопрос – как нам измерить эффективность, так вот, через те показатели, которые рейтинговые агентства чаще всего выставляют,

можно понять степень соотнесения одного с другим. И третий момент по рейтинговым агентствам. Их сегодня несколько с равнозначным влиянием силы своей информации на понимание, принятие или непринятие их рейтинговых составляющих. Именно поэтому для выработки решения можно либо к этому рейтингу обратиться, либо к другому, либо к третьему. И из этих рейтинговых оценок выбрать еще какую-то интегральную... я думаю, что надо все-таки подходить, что здесь работает согласованный ум, согласованная политика, но не управляющих структур, не структур, которые мы называем властью, а согласованная научная экспертная политика и экспертное сообщество.

Донских. Хорошо, я понимаю, что на этапе становления это вот так. Но дальше, когда это уже стало механизмом, то на них же можно влиять, верно? Вот как экспертное сообщество организуется. Часто от экспертного сообщества требуют подтверждения того, что уже политически принято. И в это вкладывают ресурсы, о которых сказал Владимир Васильевич. И дальше начинается: есть несколько экспертных оценок, одна выгоднее другой по отношению к этому политическому решению, ее принимают говоря, что у нас есть экспертная оценка и все прекрасно. То же самое с рейтинговыми агентствами: мы выбираем, то, что нам нужнее, то, что нам ближе, но возникает вопрос, кто это делает. Вот это вот остается загадкой.

Князева. Ну вот смотрите, эти 200 вузов, о которых говорится. Есть один из показателей, который абсолютно объективен. Мы пытались завести этот показатель в нашу систему, но она плохо работающая. Это показатель трудоустроенности выпускников. Так вот в Англии они берут не про-

сто показатель трудоустроенности, а в течение полугода после выпуска. Это объективный или субъективный показатель? Это кукловодство или это восприятие выпускником и как рынок труда реагирует, т. е. это социальная оценка возможностей подготовки специалиста вузом?

Возьмем другой показатель, очень сложный, проблемный – показатель библиотечных ресурсов у того же самого Гарварда, Оксфорда и т. д. И понятно, что где-то этот показатель перевешивает и своим весом оказывает более сильное влияние на конечные рейтинговые места; или количество нобелевских лауреатов, тоже это понятно. Но вопрос о том, как без какого-то показателя или как сегодня показатели, характеризующие не абсолютные параметры деятельности вуза, а социальную оценку, влияют на веса. И я все-таки убеждаюсь, что нет здесь четкого кукловода, который все это взвесит. Это вырабатываемая система сдержек и противовесов, о которой мы говорим. Нет места теории заговора и нет центра, который для себя решает, что да, американские и английские вузы здесь будут – а они, в общем-то, экспортные продукты сегодня. Английский язык – это экспорт, это не то что наш нефтегаз. Я не думаю, что здесь так, хотя могу ошибаться.

Вальдман. Я скажу несколько слов. Недавно уже обсуждался вопрос о том, что российское руководство не устраивало положение российских вузов в мировых рейтингах. И в Шанхайском рейтинге, и не только. И в связи с этим была предпринята попытка создать экспертный консорциум с российским участием, который бы стал публиковать и свой рейтинг вузов, где были бы более весомо оценены специфические характеристики российских вузов. Очевидно, предполагалось, что этот рейтинг стал

бы инструментом, в котором рейтинговые позиции российских вузов были бы значительнее. Наверное, это все-таки не свидетельствует о том, что есть один закулисный центр власти, определяющий статусы и рейтинги, а также последствия того или иного положения в них. Однако, в системе рейтингования можно видеть один из механизмов, через который разные стороны пытаются повысить свое позиционирование. Ситуацию с рейтингами вузов адекватнее описывать не с позиции чьей-то определенной абсолютной власти, но в контексте чьего-то относительно большего влияния.

Литвинцева. Возьмем два примера. Первый пример – в России оценивают средний балл поступления студентов на направления и специальности в вузы. В один из предыдущих периодов в числе первых с баллом около 5 оказался набор на направление бакалавриата «Экономика» в НГТУ. Такой результат получился, потому что учитывался прием только на бюджетные места. Существенная разница: или вуз имеет 100 бюджетных мест и средний балл поступления около 4, или вуз имеет 8 бюджетных мест и средний балл около 5.

Глинский. НГТУ в этом отношении вообще молодец по сравнению с НГУЭУ. Они дают результаты поступлений только на бюджетные места. Наш нархоз ведет себя просто, он учитывает все места.

Литвинцева. Второй пример – Давосские рейтинги. В этих рейтингах Россия оказывается на все более низких местах даже по сравнению со слаборазвитыми странами. Россию сравнивают по параметрам иных цивилизационных ценностей – ценностей, которые в нашей стране являются далеко не приоритетными.

Мы говорим немножко о других проблемах, а именно о том, что власть присут-

ствуется при принятии решений: какой показатель считать, как считать и т. п.

Исаков. Я хотел бы вернуться к теме круглого стола, к вопросу о власти. Давно замечено, что надо различать власть, основанную на подавлении, от власти, основанной на убеждении. Чем более примитивна какая-то общественная структура, ну какое-нибудь Шумерское царство, тем больший вес имеет система подавления и тем яснее характер власти: властвует один царь, все перед ним – рабы. Чем более сложна структура общества, чем развитее демократические, экономические, культурные институты, тем менее эта власть видна. Причем как по объективным причинам: скажем, при демократии нет единого лидера, которому делегирована вся власть, так и по соображениям политкорректности, скажем так. Незачем выпячивать эту власть. Поэтому искать в современном глобальном мире таких таинственных кукловодов, которые из-за кулис дергают за ниточки, наверное, методологически даже неправильно, потому что нет таких ни людей, ни обществ. Дергают многие, и все зависит от соотношения сил и места в структуре.

Донских. То есть вектор этот случаен. Но тогда получается, что если все дергают в разные стороны, то какая-то результирующая есть?

Исаков. Результат обусловлен удельными весами действующих субъектов, скажем так. И в экономике, и в политике, и в культуре и т. д. И не менее важна точка приложения силы.

Литвинцева. А если мы владеем двумя процентами контрольного пакета, это много или мало?

Исаков. Есть ситуации, когда можно владеть 0,001 этого пакета и вести такую политику, что реальное влияние будет больше, чем у тех, у кого 2 %. Тут и шан-

таж возможен, и манипулирование юридическими процедурами, и информационные войны, и много чего еще юристы напридумывали, недаром их так везде любят.

Нина Ильинична Макарова. Я по поводу кукловодов. Если мы обратимся к великим географическим открытиям, которые как раз и дали начало глобальному миру, то мы должны признать, что на протяжении XVI – первой половины XX века доминирующей в мире была западноевропейская культура, создавшая мощную колониальную систему. Достаточно сказать, что самой большой метрополией – Великобританией – в начале XX века принадлежала четвертая часть суши и пятая часть населения Земли. За этот период господства метрополии разрабатывают и совершенствуют институты политического, экономического и идеологического влияния. С распадом колониальной системы идея сохранения господства, безусловно, осталась. Только институты изменились.

Летом прошлого года была опубликована интересная статья трех исследователей из швейцарского Федерального технологического института в Цюрихе «Сеть Глобального Корпоративного Контроля». Стефания Витали, Джеймс Глаттфельдер и Стефано Баттистон исследовали связи между 43 000 транснациональных корпораций и пришли к выводу, что существует ядро из 1318 компаний, которые составляют только 0.7 % от числа всех корпораций, но имеют 18.7 % от их суммарного дохода. Если добавить к этому 59.8 % дохода компаний, которые контролируются этим корпоративным «ядром», то окажется, что эти компании имеют власть над почти 80 % мировой экономики.

Далее исследователи выявили в этом «ядре» особый центр из 147 корпораций, со-

ставлявших в 2007 году 0.3 % от общего количества транснациональных компаний, но контролировавших 40 % их общей стоимости. При этом центр из 147 игроков имел «почти полный контроль над самим собой». Эти корпорации являются преимущественно финансовыми фирмами.

Если посмотреть, где находятся головные офисы пятидесяти ведущих транснациональных корпораций, то мы получим следующий расклад: 24 из них базируются в США, 8 – в Великобритании, 5 – во Франции, 4 – в Японии, по 2 – в Германии, Нидерландах и Швейцарии, по 1 – в Италии, Канаде и Китае. Следовательно, если мы примем во внимание весьма близкие интересы Великобритании и США, то бывшие метрополии (прежде всего Великобритания и Франция) сохраняют свое привилегированное положение в мире по сегодняшний день. Они оказывают огромное влияние на мировую экономику, финансы, но также на политику и идеологию. Например, 7 из 12 крупнейших в мире медиакорпораций находятся в США.

Князева. Олег Альбертович, а мы крутимся, крутимся вокруг этих вот центров с ниточками. А почему мы ничего не говорим про те мощные, четко институализированные организации, которые существуют: ООН, ЮНГТАТ, ЮНЕСКО, АСЕАН, БРИК и т. д.? Политика-то вырабатывается здесь. Или вы хотите сказать, что политика в них не вырабатывается, а политика вырабатывается в кулуарах? И, соответственно, если политика вырабатывается в кулуарах перед тем, как они выходят и начинают голосовать, то тогда решает ли это ООН или решает это кто-то, кто ведет ситуацию в кулуарах, «в курилке»? А разговор об этом идет, да?

Донских. Отчасти. Дело в том, что я специально не стал формализованные ор-

ганизации брать, это очевидно. Потому что когда мы говорим о суверенитете, мы понимаем, что какая-то власть есть у президента Соединенных Штатов над своим населением в известных пределах, определенных законом. На счет большой власти ООН я бы посомневался после Ирака, потому что ООН была опущена так, что я не знаю, возродится ли эта институция, потому что она сейчас весит меньше ушедшей в историю Лиги Наций, поскольку – ну смешно, решают все не там. НАТО решает. Война в Сербии была, которую никто не объявлял. Там был Генеральный секретарь НАТО, непонятно что за фигура, а реально решал Клинтон: нужно мосты бомбить, потому что по ним можно провозить бомбы, и поэтому нужно уничтожить инфраструктуру.

Князева. Но они там ни одного человека не убили бомбами.

Донских. Я думаю, что эти организации играют роль некоторого перераспределения власти. В этом смысле они еще существуют и там, конечно, место тусовок, встреч. Где-то в Швейцарии люди встречаются, в Давосе решают, когда сталкиваются, допустим, Сименс и президент Шелл, и они о чем-то договариваются.

Но я бы сейчас перевел обсуждение немного в другую плоскость. Мы говорим об экономике, о политике, это вопрос структур, образцов и т. д. Но есть еще мощная власть, – почему я очень хотел, чтобы сегодня в обсуждении участвовал Константин Михайлович, есть влияние европейской культуры, скажем, той же музыкальной культуры, на мировое сообщество. Оно же очевидно. Вот европейская музыкальность распространяется, и все больше музыки такого типа. Или это ложное впечатление? Ну, это же тоже власть над умами, потому

что это музыка, это песни, это тексты – это ведь очень важная вещь на самом деле.

Литвинцева. Я могу по опыту своих путешествий сказать следующее. Если долгое время территория Мексики была под властью испанцев и элементы европейской культуры и культуры индейцев просто «переплавились» в мексиканскую культуру, то сейчас в Мексике явно видно влияние американцев. К ним там прекрасно относятся.

В Африке совсем другая ситуация. Несмотря на то что на африканских территориях были и французы, и испанцы, и англичане, традиции сохраняются. Религия дает совершенно другую основу для противостояния.

Донских. Музыкального?

Литвинцева. И музыкального, и в целом противостояния европейскому типу культуры. Мне довелось побывать в Королевстве Марокко. Влияние ислама очень сильное во всех сферах деятельности. Они спрашивали: а вам не кажется, что в скором времени мы будем влиять на европейской территории? Нужно отметить, что многие представители их туристического бизнеса, гиды-переводчики обучались в Советском Союзе или российских городах.

Константин Михайлович Курденя. Ну на самом деле, из разных регионов картина видится по-разному. И если уж мы перешли к этому аспекту от экономики и рейтингов, то я бы хотел обратить внимание вот на что. Сегодня мы видим процесс зарождения новых, пока еще не оформившихся, то есть негосударственных, либо формально государственных, но в некотором смысле все-таки неформальных центров власти и новых ценностных ориентиров, которые этими нарождающимися властями продвигаются в ходе конкуренции с государством и его властной иерархией.

Сюда следует включать и экономическое влияние крупных корпораций, и картельные сговоры, и борьбу интересов властей различного уровня внутри государственной властной вертикали, когда экономические и политические интересы регионов и центра начинают входить в некие противоречия. Сюда следует отнести также попытки гражданского общества сформировать собственные альтернативы власти, пусть даже и такие карикатурные, как сообщество «Болотной площади» и даже влияние криминальных структур как на политические реалии нашей современной жизни, так и на экономическую ситуацию. Так что процесс передела власти у нас в самом разгаре. Это с одной стороны.

И второе, сегодня как никогда при всех плодах научно-технической революции проявляется иррациональная природа власти. Потому что невзирая на вполне осязаемые материальные атрибуты власти в виде соответствующих центров силы, экономической, военной мощи, полицейского аппарата, несмотря на то что власть всегда имеет инструменты влияния типа тех же рейтингов, ее существо вовсе не в этих атрибутах. Оно в том, что одни люди осознают необходимость повиновения другим, более того – они верят в необходимость, возможность и целесообразность такого порядка вещей, в неприкосновенность власти и ее носителей, в ее иерархичность, в надперсональное право отдавать распоряжения, господствовать, управлять.

Таким образом, я хотел бы отделить эту сторону проблемы власти от ее атрибутивных признаков. Те же рейтинги – это всего лишь разновидность пропаганды, инструмент влияния. Давайте поставим вопрос иначе: а кто установил этот порядок вещей,

именуемый властью? Если идея власти и порядок вещей не даны нам свыше и тем самым не священны, то тогда их сформулировал и, если угодно, навязал каким-то образом либо, назовем это иначе, установил конкретный человек или группа лиц. Но в таком случае, почему я должен им подчиняться? Возьмите для примера ситуацию с Болонским процессом. Появилось несколько влиятельных фигур, которые сочли, что академическая, так называемая гумбольдтовская, система высшего образования устарела. Кто это решил? Почему правительства многих стран с этим согласились? Очевидно, что общеевропейские властные структуры, преследуя свои интересы, эту идею поддержали, России очень хотелось интегрироваться в Европу по вполне понятным политическим и стратегическим соображениям, и в нашей стране идеи Болонского процесса также получили «зеленый свет». Но кто определил, что это «свет в окошке»? Кто решил, что это благо, а вокруг темные и косные вузы и специалисты, которые всегда в случае несогласия с властью вдруг становятся «подобны флюсу», не желают и не могут понять, от какого счастья отворачиваются. Так давайте их «загонять в рай» насильно, через принуждение средствами государственной власти! Итак, нам приказали вместо гумбольдтовской университетской системы создавать другую. Но теперь, по прошествии ряда лет неудержимого энтузиазма подчиняться чужим предначертаниям, когда мы начинаем сравнивать результаты классического университетского образования с системой болонской, выясняется следующее. Во-первых, что болонская система – это нечто весьма аморфное и на ходу перестраиваемое, и никаких выдающихся результатов она не демонстрирует. А с другой стороны, во всем мире класси-

ческие университеты показывают, что совсем не так уж неэффективны, и часть из них подчеркнуто дистанцируется от болонской системы. Здесь все зависит от того, у кого больше авторитета и насколько у противоположной стороны хватит мудрости и стойкости не поддасться на провокацию. Вспомните, что Грибоедов писал: «Нельзя ли у китайцев нам занять премудрого незнания иноземцев? Воскреснем ли когда от чужевластья мод, чтоб умный, бодрый наш народ, хотя б по языку нас не считал за немец?»

Посмотрите, как идея суверенности и национального могущества, став у громадного населения Китая едва ли не всеобщей, меняет ситуацию в их государстве и в мире в целом. И дело не только в том, что они экономически резко усилились, это следствие. А причина видится в ином, руководство страны сумело изменить у населения точку зрения на их позиционирование в мире и создало условия для воплощения инициатив по изменению этого самого позиционирования. Они сегодня говорят: да, мы с удовольствием изучаем вашу культуру, изучаем культуру Европы, изучаем Америку. Но нам это надо не потому, что у нас нет своего и мы от слабости готовы заимствовать все, что ни попадется на пути. Мы великая нация, у нас более чем трехтысячелетняя история, мы, наверное, самая мощная и самая древняя цивилизация и у нас есть великая национальная культура. Да, у нас был период спада. Но теперь мы изучаем вас, чтобы стать самыми сильными в мире. И, честно говоря, страшновато становится от того, как они мыслят свой подъем и как они представляют свое развитие в будущем.

Поэтому вопрос власти – это, наверное, не вопрос закулисы, не вопрос власти де-

нег. Это вопрос авторитета и вопрос влияния, а также – вызванного ими притяжения распоряжений, готовность подчиняться и «работать в команде» не столько по принуждению, сколько именно по убеждению в необходимости и целесообразности такого социального поведения. А вот для того, чтобы влияние стало, как говорили классики марксизма, материальной силой, чтобы оно завладело умами, тут иногда не нужны слишком уж большие деньги. Те же исламисты абсолютно правы, когда утверждают: нас в мире все больше, динамика развития нашего населения интенсивнее, наша религия моложе и она в течение длительного исторического периода еще будет оставаться воинствующей доктриной, будет инструментом массовой агрессивной идеологии и политики, и через некоторое время Европа будет мусульманской. Их экспансия там совершенно очевидна. То же самое, но гораздо тоньше, делают китайцы. И все вместе взятые властные институты Старого Света в данном случае ничего эффективного, позитивного, консолидирующего, способного ассимилировать эти агрессивные влияния и защититься от них, предложить не могут. Это стало особенно заметно после полного провала европейской политики мультикультурализма. Так, постепенно Европа и США неизбежно попадут в своеобразную западню, будут вынуждены обороняться от остального мира. А вот обороняться-то будет некому. Население не согласится с необходимостью отстаивать самое себя (лучше бы это сделали оплачиваемые наемники) и жертвовать собою ради интересов слабеющей и растерянной государственной власти. И тогда этот внешний мир, несущий другую идеологию, другие ценности, приоритеты, иные формы господства, подчинения, словом, иные идеи власти и

иную культуру, придет не просто к власти, он придет к очередному Новому мировому порядку (или беспорядку – мне трудно судить). Так что кто сегодня на коне, завтра может оказаться и без коня, и без самого необходимого. Примерно так же, как когда-то к Учредительному собранию в 1917 году вышел матрос и сказал: «Караул устал». И ушел, а вместе с ним ушла готовность войск и народа подчиняться власти, прежним повелителям. Именно в тот момент и наступил крах.

Донских. И правительство закончилось.

Курленя. Да, вот примерно так и получается.

Донских. Иначе говоря, все-таки центр в духовной сфере.

Курленя. Безусловно. Центр только в духовной сфере.

Донских. То есть тогда мы приходим все-таки к Аврааму. Конечный источник – это все-таки нечто сверхъестественное, трансцендентное, потому что в любом случае власть должна опираться на что-то находящееся за ее пределами. Я специально этот вопрос не поднимал, но когда готовился к круглому столу, посмотрел Вышеславцева, мне очень нравится его статья, которая в «Пути» была опубликована, очень важная, о религии и власти. И там идея именно вот эта: что власть должна, если это настоящая власть, опираться на источник, лежащий за пределами видимого мира. Только такая власть реальна, потому что только такая власть будет безусловной. Все остальное условно.

Я приведу один пример, который недооценивается, – с Христом. Его изображают смиренным и слабым. Хуже всего его изображал Ге, наш знаменитый художник, потому что у него Христос – такой малень-

кий, ничтожный. Но в Евангелии подчеркивается несколько раз, что Он говорил «как власть имеющий». То есть это совершенно другой образ. Потому что если бы он все время ходил такой вот жалкий и подставляя то одну щеку, то другую, то не было бы христианства. У него должно было быть и было внутреннее ощущение абсолютной власти, а дальше, простите, история христианства – это история власти, история создания властных структур.

Курленя. Маленькое уточнение. Оно связано с тем, что власть идей должна обладать высокой степенью интериоризации у населения. То есть массы должны испытывать непоколебимую убежденность в легитимности, целесообразности и величии идеи и, соответственно, власти, которая эту идею проводит в жизнь. От этого всецело зависит масштаб власти. Абсолютный деспотизм в отдельно взятой семье или коммунальной квартире, как бы ни был жесток и отвратителен, – слишком мелок, чтобы считаться абсолютным. А вот реализация идей глобального господства всегда сопряжена с большими человеческими потерями. Посмотрите, для того чтобы решить проблемы, допустим, ядерной энергетики в масштабах даже не отдельного государства, а всего человечества, население определенной страны или группы стран должно потерять *n*-е количество тысяч или даже десятков или сотен тысяч человек в катастрофах, авариях, неудачных научных экспериментах. Причем население, чтобы все это покорно сносить, должно быть абсолютно убеждено в необходимости этих жертв и готово их принести без каких-либо претензий и счетов к власти, которая отдает соответствующие распоряжения ради решения упомянутой глобальной задачи. А это чьи-то судьбы, семьи, это население це-

лых городов! Об этом даже говорить как-то не принято, потому что страшно, однако это – неизбежно, такова цена прогресса. Может решить эти проблемы, скажем, маленькая Эстония и ее народ? Разумеется, нет, потому что жертвы будут катастрофически несоразмерны и поглотят весь народ, не останется ни тех, кто будет оплакивать своих героев, ни будущих поколений, ни государства. Решение задач такого масштаба даже при абсолютной воле власти к их осуществлению и абсолютному подчинению исполнителей в маленьких социумах невозможно. А вот если тем же китайцам потребуется положить несколько миллионов человек на алтарь победы ради решения какой-то глобальной проблемы – они сделают это ради блага тех, кто останется, а останется абсолютное большинство народа, сохранится и государство. Надо было для защиты государства правительствам Индии или Северной Кореи, располагающих весьма бедным населением и с очень слабыми программами здравоохранения и социальной защиты граждан, создать атомную бомбу – они взяли и создали, при абсолютной поддержке населения и без умопомрачительных капиталовложений, перебиваясь пригоршней риса. И сделали это в определенном смысле эффективнее, чем США со всем своим богатством. В таких вот свершениях, пусть даже и опасных для остального человечества, власть идеи в отдельно взятом крупном социуме обретает свои подлинные масштабы, свое величие.

Донских. К этому можно один замечательный пример привести. Я помню, как только в Индии создали атомную бомбу, я тогда был в Австралии и смотрел одну передачу по телевидению. Там женщину одну индийскую спрашивают, как она к этому относится. И она с такой гордостью: «Мы

стали великой нацией!». Это один раз показали, потом убрали, потому что началось осуждение: зачем вам атомная бомба, – но настолько она это здорово сказала, что я запомнил на всю жизнь.

Вальдман. Хотелось бы сказать о феномене власти как таковой. Можно оттолкнуться от этимологии самого слова «власть» в разных языках. Так, в английском языке это power – т. е. власть сквозь призму обозначения этим словом производна от силы. Русское обозначение власти происходит от глагола «владеть». По-украински власть – влада, что еще нагляднее демонстрирует этот корень. Власть – то, что распространяется на сферу моего обладания. Волость – не просто регион, но территория владения.

И мне хотелось бы сказать о феномене власти как таковой. Я оттолкнулся от вопроса вначале, что власть – понятно, что само обозначение, этимология... если в английском это power – от силы; если русские и многие славянские форматы – это *владсть*, от владения, влада в конце концов.

Вальдман. Опять же, мне кажется, очень интересный дополнительный контекст дает латинская формулировка. Собственно властные структуры – это структуры потестарные. По латыни власть – potestas. Происходит от глагола possum – мочь. Post-sum, то есть буквально означает «быть после» и в этом смысле контролировать последствия. Обозначается способность быть там, за границей, там, за рубежом какого-то очерченного круга. Вспоминается, что еще со времени Гоббса понимание власти сопоставлялось с причинной зависимостью. И только одно существенное отличие – причина – это то, что уже случилось, а власть – это то, что еще только будет. Отталкиваясь от этого, любопытно

выглядит сегодняшний вопрос о пределах власти. Получается, что власть себя позиционирует как то, что преодолевает предел, заглядывает за этот предел. Однако, опять же парадоксально, она от этого предела зависит. Потому что из-за этого «бугра», из-за этой ширмы она и выглядывает вовне. В конце концов, эта ширма, этот барьер, и становится точкой опоры, от которой этот круг влияния за пределами очерчивается. В этой связи прослеживается диалектическое взаимодополнение и взаимообусловленность соотношения континуального и дискретного в природе власти. И это распространяется также на ее отдельные локальные проявления.

Когда говорят о генезисе власти, о генезисе государственности, нередко говорят о власти самой по себе. Вот власть, вот безвластное состояние. А если вспомнить о том, что власть формируется не как один единственный центр силы, но именно она формируется в условиях сосуществования (или – со-формирования) нескольких центров силы в нескольких прото-государствах. Наиболее ярко это видно на примере древнейших государств Месопотамии – это сразу, с самого момента возникновения, это такое «толкание локтями». Мы реагируем на угрозу, а угроза реагирует на нас, как на угрозу. И таких точек много. Соответственно, взаимное воздействие по-новому иерархизируемых социумов и приводит к тому, что подталкивается, размывается, разрушается тот порядок властвования, который ранее, в первобытности, существовал. Власть не на основе собственности, но если у кого-либо есть власть, то есть и контроль собственности. Это справедливо и для первобытности, и для средневековья – для исламского средневекового общества в большей сте-

пени, например. Если посмотреть на период формирования власти, то нужно отметить, что порядок, изначально легитимизирующий положение, как есть опирается на прямую ссылку на запредельное, трансцендентное священное, о чем Олег Альбертович уже сказал. И тем не менее власть как таковая, как институт, формируется тогда, когда возникает так или иначе обоснованная рефлексия отличия властвования от легитимизирующего его порядка. Там, где формируется некая эксплицитная идеология.

Донских. То есть когда появляется рефлексия по поводу традиции, можно сказать?

Вальдман. В общем-то да. Это сопряженные процессы, и в этом отношении власть и ее институционализация в новых формах и само становление феномена власти связаны с десакрализацией. То есть когда происходит десакрализация определенных сфер жизни. Однако при этом поляризующаяся сакральность становится утверждаемым источником власти для отдельных групп или центров.

Макарова. Маленькая заметка по поводу соотношения между успешной реализацией идей и количеством населения. Если прикинуть количество населения на Аравийском полуострове во время пророка Мухаммеда, то думаю, что там было всего лишь несколько десятков тысяч человек. А если посмотреть, сколько мы угробили людей в XX веке на реализацию нашей идеи строительства социализма, то тут, как говорится, миллионы и миллионы ...

Виктор Васильевич Крюков. Я бы хотел три тезиса озвучить. Первый тезис – это обращение к необходимости власти вообще в социуме. Власть – это все-таки институциональная ценность. Она вооб-

ще появляется как способ избегания хаоса. Почему, допустим, в число мудрецов с древнейших времен неизменно попадали законодатели? Потому что законодатели на смену хаосу, беспределу устанавливали правила игры. Вот представьте ситуацию: сели мы с вами играть в шахматы, разыграли дебют, и я начинаю капризничать. Вот я хочу, чтобы со следующего хода конь ходил не буквой «Г», а буквой «П». Скрепя сердце – согласитесь, может быть. Хотя уже позиция стоит. Разыграли миттельшпиль – я опять начинаю капризничать: вот я хочу, чтобы со следующего хода конь ходил буквой «М». В таком случае правильное решение – срести фигуры с доски и швырнуть мне их в лицо, потому что так играть нельзя. В социальной жизни или, если хотите, социальной игре – то же самое. Необходимость эти правила выработать и поддерживать, следить за их соблюдением – это и есть, собственно, источник власти.

Второй тезис – это обращение к классикам политологии. Здесь стоит вспомнить Шарля Монтескье, трактат «О духе законов» и знаменитый географический детерминизм, из которого современная геополитика вытекает, в определенном смысле. У Монтескье, несмотря на все его натяжки, есть и дельные соображения. Например, от чего зависит концентрация власти, централизация, сильная власть? У него это вытекает из прямо пропорциональных зависимостей: чем больше территория, тем сильнее должен быть центр, чтобы избежать распада государства. Чем больше народу, тем сильнее должен быть центр, чтобы избежать, опять-таки, этих центробежных тенденций, сепаратизма. В этом что-то есть, потому что у нас в России, мы прекрасно видим, начиная с Империи, а может

быть, даже с Московского царства, централизация была, по сравнению с Западной Европой, запредельная. И это продолжалось в советские времена: сильная и даже, может быть, где-то деспотичная, тоталитарная власть. И этого, по-моему, не избежать в силу таких объективных обстоятельств: слишком нас много и слишком много места мы занимаем. И чтобы не разбежались по разным углам, как это произошло с Союзом, а потом-то это грозило и России с потугами на Дальневосточную республику, Уральскую республику, Сибирскую и прочее. И это была очень близкая перспектива в 90-е годы, потому что там вообще оказалось парадоксально: вроде бы по Конституции самые большие полномочия у президента, вроде бы концентрация власти, а на самом деле ничего не решалось. Там как раз и были кукловоды.

В связи с этим третий тезис (я напомним еще одного классика политологии) – это Карл Шмитт с его версией современной конфликтологии. В политике нет какого-то своего собственного предмета. Политическое как социальное явление присутствует везде, где возникает конкуренция, где сталкиваются «мы» и «они». Причем ситуация может быть экономической, идеологической, демографической или межконфессиональной, что собственно, наблюдается вот сейчас, скажем, в Западной Европе. Так вот это «мы» и «они» как раз и возникло в нулевых годах. Возникло, потому что разделение прошло как раз по этому принципу: отстранить от принятия решений, устранить из властного института денежные мешки, олигархов. Сделать их «равноудаленными» от власти. Потому что у олигархов – под ними будем подразумевать сложившиеся экономические группы – интересы всегда эгоистичны. Кроме этого, существуют

и проблемы административного управления, и проблемы идеологического влияния, причем деньги тут далеко не главное. Если обратимся к примеру, с которого начинали, – допустим, Министерство образования и науки и его разрушительная роль – они вовсе не деньгами определяются. Определяются они тем, что на эти места выдвигаются действительно марионетки типа Фурсенко или Ливанова. В чем тут дело? Дело вовсе не в деньгах, дело в идеологии. Идеология очень простая. Почему мы полезли в Болонский процесс? Потому что наши образованцы рванули на Запад, в Европу, в Штаты, а там наши дипломы никто не признает. Давайте мы включимся в общемировой процесс. Вот давайте сделаем так, чтобы наши дипломы имели международное признание. Отсюда – вся Болонья.

У политики нет какого-то одного ресурса, у политики множество разных ресурсов. В том числе экономический. Но далеко не только экономический. В том-то и дело, что столкновение множества интересов разных социальных групп, и даже может быть еще резче – разных элит, так или иначе приводит к какой-то равнодействующей. У Энгельса в «Анти-Дюринге» были рассуждения о бесконечном параллелограмме сил, когда множество влияний сталкиваются и тогда появляется некая равнодействующая, которая и есть историческая тенденция. То же самое у Льва Толстого в первой главе третьего тома «Войны и мира»: когда происходит какое-то историческое событие – кто его определяет? Вот война 1812 года: что там было причиной? Властолюбие Наполеона, оскорбленное честолюбие императора Александра или гений Кутузова? Множество всяких разных отдельных волей, человеческих поступков, действий, но результат получается такой, какого не хотели ни

Наполеон, ни Александр, ни Кутузов, потому что от каждого из них зависит очень мало. У нас, наверное, та же самая ситуация: нет какого-то кукловода, даже коллективно. Сталкивается настолько много неопределенных «мы», имеющих свой вес и сферу влияния, что результат получается если не совсем уж стохастическим, то не таким, каким его представляет каждый из участников процесса.

Осьмук. Я бы хотела просто ответить на вопрос, потому что вопрос для обсуждения значился так: какова область действия приказов в разных сферах общественной жизни. И конкретно мне ближе всего сфера социальная, естественно потому что я ей занимаюсь, социальной политикой и т. д. Мы здесь говорили о высоких материях, говорили о больших социальных моделях, но вот, спускаясь на землю – прямо то, что наболело, очень хочется сказать, что на самом деле пределы действий этих приказов заключаются в самой власти. Потому что в сфере социальной сейчас пытаются перейти от патерналистской модели к субсидиарной модели. То есть распределить по социальным организациям, по социальным структурам функции государства. Но проблема заключается в том, что это не получается. Постоянно что-то тормозит, постоянно встают какие-то барьеры. А на самом деле субсидиарная модель рождается патерналистскими структурами. Фактически сверху спускается идея субсидиарной модели, которая должна бы появиться снизу, и сами патерналистские структуры пытаются, противореча себе, формировать абсолютно чуждые модели. В результате получается нечто, совершенно непохожее на то, что хотели.

Донских. Это как администрация создает профсоюзы, которые должны бороться

с администрацией. Такие профсоюзы и получаются.

Осьмук. Совершенно верно. Вот вам предел, который заложен в самой системе. Другое дело, что мне кажется, в этой сфере предел должен быть абсолютно простым. Это должно быть гражданское общество, которое предлагает свои структуры, которое на самом деле может противоречить государству. Но поскольку гражданское общество в том виде, в котором бы мы его хотели видеть, у нас не сформировано, это нужно признать.

Князева. Вопрос, почему. Это обратная сторона власти, что оно у нас не сформировано, да?

Осьмук. Получается, да, что вроде как власть должна быть беспредельной, но она утопает в своей неподготовленности вот этих реформ. В том, что идеи, которые власть пытается проводить по вот этим каналам, на самом деле абсолютно чуждые ей идеи. Возникает вопрос, на самом ли деле власть хотела бы, чтобы вот эта субсидиарная система существовала. И когда задумываешься над этим вопросом, то сам себе отвечаешь, что, наверное, субсидиарная система мыслится ею как-то вот по-другому. То есть власти нужна ее субсидиарная система, которая решала бы ее проблемы.

Исаков. Я перед нашим круглым столом посмотрел в Интернете: очень много афоризмов о власти, и большинство афоризмов скептически-иронического толка. Обобщить можно так: если власть развращает, то абсолютная власть развращает абсолютно. Это, пожалуй, афоризм – квинтэссенция отношения к власти. Тут мне кажется, механизм работает тот же самый, что и в саморазвитии бюрократии. Когда средство превращается в цель, тогда система уже не может уже работать на внешние, скажем так, цели, потому что ей слишком важно и ин-

интересно работать на самое себя: на свое развитие, укрепление, расширение. И цель, для достижения которой система и создавалась (скажем, государство как организатор общества, регулятор социальных процессов, держатель суверенности и т. п.), становится уже просто мешающей, отвлекающей от главного, хотя на словах и декларируемой.

Князева. Я бы подошла к другой власти. Это рыночная власть. Или власть субъектов, имеющих некоторую доминирующую позицию. То, что мне близко. Коллеги из той же самой Америки говорят, рассматривая те же самые вопросы конкурентного законодательства или монопольного законодательства, всегда говорят о том, что крупная компания и компания, являющаяся монополистом или доминирующим субъектом – это две большие разницы. Как я всегда говорю студентам, они это лучше запоминают, это как разница между беременной женщиной и полной женщиной. Поэтому когда мы рассматриваем рыночную власть, вопрос всегда касается рынка, на котором она существует. Это к вопросу о деньгах и мощи. Если мы говорим о рынке небольшом, рынке с очень небольшим количеством субъектов, с очень небольшим объемом товарных позиций, которые на нем вращаются, то на нем рыночной властью могут обладать компании с оборотом миллион в месяц. Что это за компания с оборотом миллион в месяц? Это ничего по большому счету. Но на этом рынке, который удовлетворяет интересы наши с вами, в каком-то узком, специфическом плане, этот субъект имеет настолько сильные позиции, что он ведет себя как положено любому монополисту. Вместе с тем другая компания, компания «Toyota», являющаяся транснациональной, во всем мире и самое главное в Японии не имеет рыночную позицию более 20 %-й доли. Имеется

у той же самой компании рыночная власть? Нет, у нее не имеется рыночной власти. Но она является лидером этого рынка, и конечно многие компании, смотря на нее как на лидера, вырабатывают свою тактику поведения, свою конкурентную политику, настраивают свои камертоны на деятельность этой компании.

Донских. Власть образца.

Князева. Да, власть образца. А то, о чем сегодня не говорили, но что является одним из самых проблемных вопросов в экономике и праве, это власть патента, патентные монополии. Америка с этим вопросом попыталась как-то выстроить статус кво, но это отдельный и очень большой вопрос – вопрос интеллектуального права и власти, но то, что вопросы патента и монополии очень близки во многом, вот вы говорили: идея. Оно где-то соприкасается, хотя вроде далеко, но если подумать, оно где-то здесь есть. Так вот, вопрос патентной монополии или патентной власти – насколько она может существовать, насколько есть доступ к этой патентной монополии и насколько может делиться с обществом конкретный субъект, обладающий этой монополией. Имея эту патентную монополию, ты не будешь обладать огромнейшим объемом ресурсов и денег, но на каком-то чипе ты можешь выстрелить и ты будешь с огромнейшим мешком денег, и самое главное – иметь влияние, влияние на общество.

Вальдман. Мне кажется, что концепция Пьера Бурдьё с его символическим капиталом и символической властью неплохо отвечает на целый ряд вопросов, которые у нас сегодня обсуждались. Есть различные социальные поля и в них есть капитал тематический, капитал этого поля, т. е. то, что придает значение в этом пространстве, в этой деятельности, в этом

поле. Символический капитал и символическая власть – это власть медиаторная, это власть, которая определяет характер пересчета, «трансферта» капитала из одной сферы в другую. Вот мы говорили о рыночной власти и влиянии капитала в политике, в культуре, в каких-то других сферах жизни. А вопрос в том: как именно такой капитал конвертируется, по какому «курсу» пересчитать? Вспоминается пример из финала истории о графе Монте-Кристо, где похитители «ломали» одного из персонажей – банкира, человека в своей среде влиятельного, статусного и состоятельного. Становилось понятно, что капитал финансовый в этой ситуации может иметь совсем не то значение, на которое банкир рассчитывал. Так, на вопрос «Сколько стоит курица?» похитители говорили: «Сто тысяч франков». И так «покупать» он был вынужден, так как он не мог в имевшихся специфических обстоятельствах влиять на такое «ценообразование».

Вопрос рейтингов – во многом вопрос барьеров. Барьеры выстраиваются. Выстраиваются на основании этой символической власти, что является более подходящим названием, чем власть идей.

Еще один момент, о котором хотелось бы сказать и о котором чуть-чуть меньше говорили. Всякая власть, всякая институция, имеющая власть, озабочена легитимностью собственного существования и претензией на ресурсы. То есть она преодолевает барьеры своим действием и существованием. И возникает вопрос, какие задачи легче решать и какие барьеры преодолевать: реально существующие по воле внешних сил или внешнего вызова или самим собой искусственно сконструированные? Наверное, очевидно, что сконструированные. Поэтому естественно, что вся-

кая власть для обеспечения собственного существования не только сегодня, но и в обозримом будущем начинает постепенно переводить плоскость своего, как бы сказать, видимого влияния, решения реальных проблем в создание этих проблем и затем уже успешное их преодоление. Так легче, поскольку они, находясь в ее власти, более успешно преодолеваются. Например, борьба с преступностью. Идеальное состояние, когда преступность будет побеждена. Но тогда куда денутся те, кто с ней борется? Мы живем в обществе в высокой степени имитативном, и имитации, прежде всего псевдопреодоление псевдобарьеров, во многом становятся оправданием его существования. Власть заполняет этими имитациями содержание нашего сознания, и мы верим, что она нам исключительно нужна.

Осьмук. Мне кажется, что власть, с одной стороны, должна быть функциональной и конструктивной, для того чтобы не разрушать все-таки. Потому что если она не будет функциональной, она просто не будет властью. А с другой стороны, власть все-таки должна быть ограниченной и предельной, потому что с точки зрения социологии в этом замечательном социальном мире огромное количество всевозможных, во-первых, людей, во-вторых, организаций, в-третьих, структур, которые имеют абсолютно разные интересы, разные потребности. Поэтому в этом смысле нужно каким-то образом учиться жить вместе. Поэтому пределы у власти должны быть, у любой. Потому что беспредельная власть себя разрушит.

Курленя. Я хотел бы в качестве последнего слова напомнить о проблеме, которую сегодня не обсуждали. Это проблема ответственности власти. Потому что если власть стремится снять с себя ответственность за

выбор путей развития государства и общества, она становится властью символической и обращается в фикцию, теряет уважение в социуме: когда за все происходящее отвечает кто угодно – избиратели, бизнес, культура, гражданское общество, только не власть, то зачем вообще нужна такая власть? Сегодня это наш, российский случай, не даром говорят, что строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения. Но тогда надо отчетливо сознавать, что очень скоро настает день, когда кто-то снова скажет: «Караул устал!». Напротив, если власть не признает за собой ответственность за террор и деспотизм, т. е. превращается в кровавую диктатуру, где царит произвол, тогда она имеет столько же шансов быть низложенной, как и в предыдущем случае. И, в общем, довольно грустная получается тема: с одной стороны, г-н Медведев утверждает, что Россия свой лимит на революции исчерпала. А с другой стороны, государственная власть делает все, чтобы этот лимит увеличить. Поэтому мы можем констатировать весьма и весьма непростую кризисную ситуацию. Я даже не назвал бы ее переходной в смысле перераспределения властных полномочий между некими центрами влияния. Сегодня мы имеем не столько кризис власти, сколько испытываем острейший дефицит людей, разделяющих саму идею ответственной государственной власти, готовых служить обществу, занимая определенное положение в системе власти, а не рассматривать доставшуюся власть как инструмент своего личного обогащения и/или деспотического самоутверждения. Это самая большая проблема, по-моему.

Чубыкина. Я по последнему вопросу из предложенных для обсуждения, об источнике власти. Говоря просто, на мой взгляд, источник власти – это все же народ, который эту власть делегирует или

отдает кому-то, каким-то лицам и структурам, отдает право управлять собой. Выглядит парадоксально: у народа нет власти, но все же он ее источник. Вот мы говорим о власти как об отдельном, самостоятельном субъекте, а она – ее природа и проявления – зависит от объекта. Ее по большому счету нельзя завоевать, в смысле взять без согласия. Если власть завоевана и реальные властные механизмы действуют, это означает, что ее все-таки отдали, делегировали. Властвование происходит под флагом идей, которые уже «овладели массами». Сегодня упоминались исторические примеры, которыми можно иллюстрировать этот тезис. Если Африка не захотела делегировать эту власть, ее никто реально не получил. Культурное влияние европейцев там минимально, несмотря на века колонизаторства. Не проходит гипотеза кукловодства, потому что это что? Какие-то организованные силы «дергают за ниточки» в своих целях, чуждых социуму. Вот, например, западный мир золотого тельца, лицемерия и жестокости влияет на наше российское общество гуманистов и бесребренников с целью захвата мирового господства. Если это так, то марионетки уже превзошли кукловодов.

Пока действует общественное соглашение, власть действительна. Если соглашения рассыпаются, остаются имитационные процедуры: власть делает вид, что управляет, а социум – что он управляет.

Еще о великих и не очень странах. Есть афоризм: «Великие державы всегда вели себя как бандиты, а малые – как проститутки». То есть для тех и других задается видимость источника власти извне. Для малых стран это большие, а для больших кто? Скажем, Господь Бог. Но малые страны могут очень различаться между собой: вну-

трения политика, поведение власти по отношению к населению и поведение самого населения в малых странах может существенно отличаться. Впрочем, как и в великих. Потому что есть традиция, есть согласие или несогласие народа на определенную модель отношений с властью. Власть в каком-то смысле не только субъект, но и процесс, консенсус между управителем и управляемым. И кто поручится за конечный результат? В то же время власть не поддается измерению. Ее, наверное, и не пробовали еще описывать количественно, в каких-то единицах. В этом смысле ценное замечание у Сергея Петровича о том, что если мерить власть в деньгах, то что больше: 15 млн из 500 или – 300 млн? Нередко – 300 млн оказывается больше, чем 15 и даже 500 в смысле власти и полномочий. То есть даже в экономике она трудноуловима. Поэтому власть неопределима до конца, по крайней мере в терминах какой-то одной сферы. Наш сегодняшний разговор, по-моему, определенное этому подтверждение.

Донских. Сейчас, я думаю, мы подошли как-то к естественному концу. С одной стороны, я понимаю грустное замечание Натальи Леонидовны, что мы пришли к тому, что было в начале, но я думаю, задача таких круглых столов – прояснить проблемы и поставить какие-то другие, а не решить проблему как таковую. Это не делается за круглым столом, это нужно реально предложить новую концепцию власти, что было бы, скажем, ответом другим. Мне был ряд аспектов здесь очень интересен, надеюсь, и всем присутствующим. Я всех благодарю за участие.

По традиции, вопросы круглого стола были разсланы заочным участникам. Далее публикуются их ответы и комментарии.

Юрий Перфильевич Ивонин. Следует сразу определиться с термином. Власть – это замещение воли одного субъекта волей другого. В этом смысле власть ограничена субъектными отношениями. Власть над вещью – бессмыслица. Это не власть, а потребление. Единственный источник власти – это несубстанциональность (несамостоятельность существования). Чтобы жить – нужно получить вспомоществование со стороны. Несубстанциональность реализуется как коммуникация и кооперация, т. е. взаимодействие с Другим на каких-то минимально приемлемых условиях. Коммуникация восполняет несубстанциональность и не существует без нее. Конечно, можно согласиться с несубстанциональностью существования и не включать никаких компенсаторных механизмов социального, т. е. коммуникативного свойства. Вместо них можно задействовать трансцендирующие механизмы, обеспечивающие выход из наличной реальности. Это – религиозная вера и мораль. Они противоположны по своей природе. Вера жертвует «я», мораль добивается его устойчивости во внутреннем пространстве сознания. В чистом виде мораль – это люцеферическая практика. Ориентир морали – справедливость, а единственно обоснованным вариантом коммуникации для нее оказывается индивидуализм. Но что такое относиться к любому существу всегда как к цели и никогда как к средству? Это означает, что я не эксплуатирую Другого и не позволяю Другому эксплуатировать себя. Попросту, «ни ты – мне, ни я – тебе». Несмотря на различие природ религии и морали, в эмпирическом плане они тождественны. И та и другая предполагает согласие человека на смерть. Только не боящийся смерти свободен от применения к нему власти. В первом случае во

имя лучшего посмертия, а во втором – во имя достоинства и самоуважения, которое не подлежит обмену ни на что. «Честь дороже денег».

К гениям религии и морали всегда принадлежало незначительное меньшинство. Всюду и всегда граждане предпочитали длить свое эмпирическое существование, выстраивая индивидуально и социально полезные коммуникации, т. е. уходя от смерти.

Но в один момент коммуникация может не возобновиться ... Поэтому фундаментальное свойство коммуникации – небезопасность, теряемость. Только власть может сделать коммуникацию безопасной. Следствием же власти становится утрата субъектности коммуникации, она становится предметной. Адресат власти должен стать устойчивым, т. е. без-вольным и функциональным (делать одно и не делать другого)¹. Можно ли считать власть поборником жизни, сохраняющим ее у одних и дающим ее хотя бы в умеренных масштабах другим?

Думается, что путь жизни вторичен по отношению к трансцендирующим практикам умирания. Мораль оказывается образцом власти как таковой, т. е. чистой власти. Все иные варианты власти – политической, экономической – можно рассматривать ее слабыми подобиями. Можно сказать, что всякая социальная власть возможна лишь на основе развитой и изощренной моральной практики самих носителей власти. Постараюсь пояснить эту мысль.

¹ Власть создает эрзац-двойника властвующего, разрушая субъектность подвластного. В фильме Феллини «Казанова» главный герой находит успокоение в общении с резиновой куклой после омута приключений с живыми людьми. В кукле он находит только то, что он хотел и ожидал от нее. И никакого своеволия, капризов, истерик ... В этом же ряду стоит и знаменитый «стокгольмский синдром».

Очень давно было замечено, что главный враг человека – он сам. Враждебное в нем – это спонтанность и нерасчетливость, вытекающие из аффективности поведения. Первоначальным объектом власти человека становится он сам. Рефлексия, реализуемая во внутренней речи, разрывает или замедляет цепочку «стимул – реакция». Человек же раздваивался на контролируемое и контролирующее существо. Наши симпатии на стороне контролируемого, о чем свидетельствуют многочисленные сентенции типа «если нельзя, но очень хочется, то можно». Но что такое самопредъявление человека, вырастающее в самосознание? Перестройка носителя эмпирического сознания в трансцендентального субъекта, носителя правильного мышления (мышления по правилам). Эмпирический субъект становится двойником последнего, т. е. нашим лучшим «я», и умирает как субъект изначального, капризного и непредсказуемого своеволия. Но каким образом несовершенный субъект эмпирического сознания был приобщен к совершенному и правильному, где тот гипотетический Учитель, с которого «все началось»? Из этого тезиса вытекает непростое следствие. Может ли язык (во что превратился наш эмпирический субъект в процессе борьбы с самим собой) обладать волей и субъектностью? Положительный ответ требует признания эйдетического мира по Платону или каких-то менее сильных, но похожих утверждений. Независимо от решения этого вопроса, очевидно персональное, анонимное давление языка (стоит заметить, что все великие революции начинались в области искусства, как бунт против классического языка. Все разрушенные революцией сообщества неприятно поражают разгулом арга). Во всяком случае, анонимное давление совершенства производит тот же

эффект, что и персонализированная воля. Воля Другого исчезает в ситуации аксиологической безальтернативности. Мятущаяся воля не может противопоставить совершенству никакого другого, заменяющего ориентира. Как сказал Конфуций: «Будь совершенен и управление не понадобится».

Мораль оказывается завершением борьбы человека с собственной спонтанностью. Мораль построена на недоверии к человеку повседневности. Моралисты всех времен специализировались на обличении чувственного «влечения» и запрещали принимать человека таким, какой он есть сам по себе. При этом мораль не содержит никаких социальных обязательств. Я вовсе не должен жертвовать своим совершенством ради прагматических требований других. Аксиологическое значение Другого просто отсутствует. Можно сказать, что мораль существует в атмосфере морального солипсизма. В ней же существует и власть.

Моральный солипсизм и обосновывает практику власти. Власть не знает самостоятельной ценности Другого и может относиться к нему только инструментально. Так же инструментально, как безжалостный моральный человек подавлял в себе витальное существо. В каком смысле власть основывается на морали, если история полна примеров корыстно-гедонистической власти, безжалостно эксплуатировавшей человека? Однако в долговременной перспективе – а только с ней и имеет дело социальная теория – власть строится как меритократия, власть достойных, а ее назначение – педагогическое. Власть уничтожает волю Другого, чтобы сделать его достойным себе, пересоздать на началах совершенства. Объект властвования становится двойником правителя, отображающим то, что значимо для них обоих и возвышает их. Правильное го-

сударство, по Аристотелю, – это общение свободных людей ради общего блага. Уничтоженное своеволие подданных упраздняет личную волю правящих. Тот же Аристотель подчеркивал, что необходимо правление законов, а не людей. Во всяком случае, власть бескорыстна, т. е. моральна. Ее уступки мелкому эгоизму подданных вполне возможны, но они временны и техничны. Только до той поры, пока властвующий не воскликнет с удовлетворением: «Народ и партия – едины!» Эксплуатация, т. е. превращение в средство, здесь отсутствует, поскольку цель государственной тирании носит всеобщий характер.

Хороша ли эта тирания взбесившейся морали, перешагнувшая – в тумане морального солипсизма – слабо различимую черту между безразличием и волеизъявлением? Каждый решает для себя сам. Очевидно одно: власть – это ситуация, когда мертвое порождает мертвое, навязанная некрофилия.

Георгий Александрович Антипов. Рискну показаться замшелым и тривиальным литературоцентристом, но признаюсь: всякие разговоры о природе власти наводят меня на «Великого инквизитора». Ибо мнится мне Федор Михайлович Великим идейным конструктором, создававшим вещи почище «Государства» Платона, не говоря уже, что почище «Фауста» Гете. Да и Бродский говаривал, что литература некоторым образом творит историю. Природа власти, отношение власти и веры, религии и церкви: вот основная тема Легенды о Великом инквизиторе, хотя, признаю, сейчас чаще ее трактуют в ключе борьбы антихристианства с христианством, даже «Войны цивилизаций», как выражения инквизиционной программы антихристианства и нехристианства. В общем контексте второй половины XIX века тема власти, церкви и

веры становится одной из главных в культурологическом дискурсе России, причем в модальности, характерной для «поэмы» Ивана Карамазова. Скажем, славянофилы отрицают церковь как внешнее принудительное объединение людей. «Я признаю, подчиняюсь, покоряюсь – стало быть, я не верую», – слова А.С. Хомякова. Но именно свободная вера, по Хомякову, – движущее начало истории. Иное толкует Великий инквизитор: есть только три силы на земле, могущие «пленить» совесть людей, эти силы: чудо, тайна и авторитет. Свобода – тяжкое бремя, спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора. А потому нет заботы мучительнее для человека, как, оставшись свободным, найти поскорее того, пред кем преклониться. Итак, власть – жесткая конструкция в устройстве социального бытия, ее сущность в добровольной передаче другому свободы выбора. В свое время русский философ-эмигрант во Франции Александр Кожев отметил странное явление: слабую исследованность феномена власти. Занимаются по большей части вопросами передачи власти и ее происхождения, но не сущностью данного феномена. Замечу, общепризнано влияние Кожева на французскую философию середины XX века – таких ее представителей, как Жан Поль Сартр и Раймон Арон. Крайне интересна его трактовка сущности и типологии власти в работе «Понятие власти», написанной еще в 1942 году и лишь недавно опубликованной. По сути дела, Кожев трактует власть «по Достоевскому». Он говорит, например, так: власть есть возможность действия одного деятеля на других без того, чтобы они на него реагировали, хотя и способны это делать. Способные «реагировать» сознательно и добровольно от

«реакции» воздерживаются. Тень Великого инквизитора замечается и в признании Кожевным «всеобщей воли» (потребность общности преклонения – в рассуждениях инквизитора). Кожев разработал типологию форм власти, состоящую из четырех рубрик: «Отца (Причина)», «Господина (Риск)», «Вождя (Проект-предвидение)», «Судьи (Справедливость)». В основе классификации, таким образом, своего рода архетип, категориальная матрица, составляющая основание каждой из этих форм. Так, первая форма проистекает из значительного различия в возрасте. Это власть старых над молодыми, власть традиции и тех, кто ее придерживается, власть мертвых – завещание, власть «Творца» над его творениями и т. п. Вторая строится по схеме господин–раб, как ее интерпретировал Гегель: власть победителя над побежденным, мужчины над женщиной и т. п. Третья форма власти, к примеру, власть вышестоящего (директора, офицера и т. п.) над нижестоящим, учителя над учеником, власть ученого и т. п. Четвертая – власть Судьи имеет вариантами власть арбитра, контролера, цензора, исповедника, справедливого или честного человека и т. п. В чистом виде ни одна из этих форм власти не существует. В реальности, согласно Кожеву, все конкретные случаи власти выступают как смешанные. Всех возможных типов власти получается по подсчетам Кожева – 64 (4 чистых и 60 комбинированных).

Виктор Иванович Марков. Уважаемые коллеги! Хотелось бы добавить несколько новых ноток по существу обсуждаемых проблем. А именно по вопросу о возможностях и пределах властного вмешательства в такие деликатные сферы жизни социума, как культура и образование.

Немного об исходных методологических предпосылках моего видения темы. При воздействии на социальную жизнь, и культуру в особенности, мы имеем дело со сверхсложными самоорганизующимися живыми системами. А действуем чаще всего на основе представлений, сформированных в обыденной практике. При этом придерживаемся таких наивных принципов:

- копай глубже – кидай дальше, т. е. результат пропорционален силе воздействия;
- чем скорей и радикальней – тем лучше;
- прямая – кратчайшее расстояние между точками А и Б, т. е. между наличным бытием и желаемым.

Все они абсолютно не применимы к сложным органическим системам. Особенно к таким инерционным, долгоживущим, как культура и образование. И использование бытовых подходов неизменно вызывает (неожиданно!?) негативные, т. е. обратные желаемым, отчужденные эффекты. Рассмотрим по порядку.

Силовое воздействие должно учитывать собственную траекторию движения системы в истории. При значительном отклонении вектора давления от собственного направления развития возникает естественное сопротивление системы (элементарные законы сложения векторов сил в механике), и у «преобразователя» появляется желание после ряда первых «неудачных и слабых» попыток усиливать это давление все больше и больше. Иллюзия отсутствия результата (он часто просто запаздывает) порождает усиленный реформаторский зуд. Тогда недалеко и до превышения меры. В итоге реформа превращается в разрушение, а не позитивное изменение, как предполагалось. Тем более что конечный эффект (может быть, через многие годы) иногда оказывается не

ослабленным, а усиленным – за счет собственных системных связей, многократно по сравнению с исходным воздействием.

Сказанное относится и к временному измерению преобразований. Именно культура и образование – системы с огромной инерцией. Они создаются веками, и результаты малейших изменений проявляться могут через десятилетия и века. Это, в принципе, должно порождать особую ответственность власть имущих, особую осторожность. Но ведь хочется увидеть результат собственных усилий, поторопить историю. Итог – скороспелые, недоношенные плоды преобразований, в которых инициаторы не узнают собственных детей: «хотели как лучше...».

Еще один временной аспект связан с попытками измерять «вечное» (долгоживущее) синоминутным. Имею в виду требования подстроить образование под «требования рынка» и работодателей и, исходя из мнений последних, строить структуру специальностей, программы, учебные планы. Учитывать, конечно, надо, но не в такой степени, как это делается. Будем реалистами – современному уродливому рынку и большинству предпринимателей идеально подходят неграмотные иммигранты, а не квалифицированные специалисты. Наш рынок в таком его качестве и наши предприниматели, как его олицетворение, сами не видят далее, чем на пару лет вперед. И из их пожеланий мы должны исходить, давая людям «путевку в жизнь»? Даже с учетом всех последующих переквалификаций и непрерывного образования (тоже во многом утопия) это было бы преступлением.

Наконец, о движении «по прямой». Тут не учитывается особый, сетевой, основанный на прямых и обратных связях характер детерминизма в системах. В них нет линейной связи «причины – следствия». «Ризома»

в этом аспекте – весьма подходящий концепт. Каждое, даже малое, изменение распространяется по сети связей, порождая непредвиденные итоги. Мы не можем знать точно, «где слово (и дело) наше отзовется». Попытки преобразований биоценозов в гигантских проектах XX века показали это достаточно наглядно.

Так что же, вообще ничего не делать и не менять? Да нет, просто надо исходить из древнего принципа медицины – «не навреди». А с точки зрения власти – «создавай благоприятные условия развития и не навреди». И не более того. Нельзя «вести» культуру в «заданном» направлении, так ее можно только разрушать. Системе необходимы мягкие, точечные воздействия, которые она сама, по законам самоорганизации, адаптирует и в чем-то примет, а в чем-то – нет. Следовательно – «делай должное и забудь об остальном».

Такое понимание культуры как живой системы в принципе должно было бы быть предупреждением ретивым реформаторам. К сожалению, это не так. В высказываниях праволиберальных преобразователей с 1990-х гг. и до сих пор встречается тезис «реформы-то были хороши, но вот народ не тот попался». А Чубайс в одном интервью (цитирую по памяти, но почти дословно) заявил: «Мы не учли одной детали – культуры народа. Полагали, что стоит освободить наших людей от пут коммунизма – и вот возникнет рыночный человек. Забыли, что даже в Европе его создавали очень долго, и вкочлачивали эти качества триста лет полицейской дубинкой». Да, мелочь-таки забыли...

Сейчас акценты в некоторой части изменились, но вот ретивость реформаторов, кажется, остается неизменной.

Сергей Александрович Красильников. Поднятая тема относится к разря-

ду социально «вечных», возобновляемых и полностью и окончательно не решаемых. Формулировка «пределы власти» созвучна формулировкам «горизонты власти», «границы власти», и каждая из них имеет право на обсуждение. Мне кажется, целесообразно рассматривать несколько измерений темы. Это может быть пространственное измерение – территориальное, допустим. Тогда речь пойдет о географии власти, о пространственной ее конфигурации. И в таком контексте можно развивать идеи о концентрации и деконцентрации власти, о природе центр–периферийных связей и взаимодействиях, и это очевидный предмет междисциплинарных исследований. Другое пространственное измерение власти – это феномен трансграничности, также достойный предмет для междисциплинарности и как часть более глобального, геополитического измерения пределов и возможностей власти.

В рамках исторической проблематики, точнее – в традиционном ее формате, мы чаще всего работаем с изучением институционально оформленных систем власти и управления в их исторической динамике. Здесь десятилетиями изучалась и продолжает изучаться другая «вечная» тема – власть и социум в широком спектре взаимодействий и состояний от войн до мира. Российская традиция выражена в афористическом виде известным журналистом начала XX века Вл. Гиляровским, отреагировавшим на произведение Л.Н. Толстого «Власть тьмы» таким образом: «В России две напасти. Внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти». Если рассматривать эту конструкцию с позиций затронутой центральной темы круглого стола о пределах власти, то мы можем изучать механизмы концентрации власти («тьма») вплоть до предель-

ных, диктаторских типов ее проявления. Но если для демократических режимов власти понятие пределов имеет свои границы, то для авторитарных и тоталитарных режимов это не столь очевидно, как на первый взгляд кажется.

Среди историков, изучающих тоталитарные системы, в том числе и сталинскую, не утихают дискуссии ровно о том, каковы пределы власти в них. Одной схеме («тьма власти») противостоит другая – как смягченный вариант «власти тьмы», где рассматривается модель известной автономии социума, который ставит определенные границы, «предел» действиям власти. Иначе говоря, феномен «предела власти» здесь исследуется в рамках проблематики взаимной адаптации и приспособления политического режима к социуму, и наоборот. Историки, изучающие природу и механизм сталинской системы, обратили внимание на то, что она репрессивна в своей основе, но политическое насилие имеет свой алгоритм и допустимые границы, когда фазы террора сменяются полосами «смягчения» политики. Режим словно пульсирует, варьируя интенсивность насилия. Классический пример – преодоление так называемых перегибов, когда сталинский режим столкнулся весной 1930 года с крестьянским протестом и сопротивлением принудительной коллективизации. Здесь можно рассматривать модель того, как действовал сталинский режим, перейдя допустимую грань прямого насилия, изменив в дальнейшем если не стратегию этатизации аграрного сектора, то тактику и динамику ее осуществления.

Интересными для исторического анализа проблемы выступают состояния, когда насилие «сверху» соединяется и взаимодействует с насилием «снизу», когда институциональные формы насилия совпадают и соединяются с внеинституциональными («властью тьмы»). Здесь понятие «пределы власти» отражает то кульминационное состояние, когда интересы двух сил сочетаются, совпадают. В частности, состояние «опьяненной власти» иллюстрируется событиями в деревне начала 1930 года, когда партийные «верхи» и деревенские «низы» осуществляли «переустройство» деревни с привлечением и использованием мобилизованных рабочих – 25-тысячников. Впрочем, власть здесь укрепляется и прирастает союзниками не на позитивной консолидационной основе, а на почве конфронтационной мобилизации, противоречивой и кратковременной.

Другим интересным и перспективным для анализа измерением «предела власти» может выступать проблематика «доверия власти». На наш взгляд, кризисы сталинского режима и пароксизмы насилия, как индикаторы этих кризисов, самым прямым образом связаны с дефицитом доверия к институтам власти. Это показатель глубины и системности кризиса внутри самих институтов власти в сочетании с кризисом доверия основных групп социума к власти. На этой кризисной основе произрастали конфликты с крестьянством, «старой» интеллигенцией, рабочими в 1927–1928 гг., выход из которых власть увидела в установлении режима «чрезвычайщины» и государственного террора 1930 года.